

УДК-81'272

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149

ПОЧЕМУ У НАС НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ СОХРАНЯТЬ ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ? (I) СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ РОССИИ, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕВИТАЛИЗАЦИЯ

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Аннотация

В последние годы «сохранение языкового многообразия» было выделено в качестве одной из целей государственной национальной политики. Усилия по сохранению языков прилагаются как на уровне государственной политики «сверху», так и на уровне практической деятельности языковых активистов «снизу». Однако, несмотря на официальное признание проблемы утраты языков и рост языкового активизма, добиться сколько-нибудь заметных результатов в решении практической задачи сохранения языков пока не получается. Автор анализирует причины неэффективности этих усилий и утверждает, что препятствия существуют не только на уровне практической деятельности, но и в научно-прикладных исследованиях. Практики языковой политики проводят языковую политику «сверху», но их работа пока остается без серьезного научно-концептуального обеспечения. В мировой науке на данный момент существуют две релевантные научно-исследовательские программы – исследования по языковой ревитализации и исследования языковой политики. В российской науке на теоретическом уровне в исследованиях языка, общества и власти не появилось пока адекватной междисциплинарной основы, поэтому на прикладном уровне отсутствует качественная научная экспертиза в области политики сохранения и развития языков России и их ревитализации.

Ключевые слова: сохранение языков; языковое многообразие; языковая ревитализация; языковой активизм; языковая политика; прикладная наука; практическая деятельность.

Введение

Сегодня особенно актуально изучать вопросы сохранения языков в России. В последние годы можно было наблюдать всплеск языкового активизма «снизу», который, в частности, стал реакцией на отмену обязательного изучения государственных языков республик поправкой к Федеральному закону «Об образовании» 2018 г.⁴ «Сверху» в том же году была принята новая редакция Стратегии государственной национальной политики, включившая «сохранение этнокультурного и языкового разнообразия» в качестве одной из целей и приоритетов политики⁵. Поправки к Конституции 2020 г., с одной стороны, символически укрепили статус русского как «языка государствообразующего народа», а с другой стороны, закрепили гарантию сохранения этнокультурного и языкового многообразия⁶.

© Замятин К. Ю., 2024

⁴ О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации": Федеральный закон от 03.08.2018 № 317 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (дата обращения 12.03.2024).

⁵ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения 12.03.2024.); О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018. №703 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881/ (дата обращения 12.03.2024) в настоящее время готовится новая редакция.

⁶ Ч. 1, ст. 68, ч. 2, ст. 69, Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 12.03.2024).

Несмотря на постановку цели, в России пока не получается сохранять языковое многообразие, потому что не делается ничего прорывного, чтобы предотвращать процессы утраты языков. Почему так происходит? Причины надо искать не только на практическом уровне в деятельности государства и общественно-политической сфере, но и в научной сфере, учитывая зависимость науки от общества и государства, причем как на теоретическом, так и на прикладном уровне. На теоретическом уровне одно из основных препятствий заключается в том, что в российской науке пока еще не развилось направление исследования языковой политики в рамках политологии (Замятин, 2023а). Как следствие, институционализация российской науки в этой сфере отстает от тенденций развития в мировой науке как в части дальнейшей специализации и создания новых организационных форм, так и в части этоса исследований и обратной интеграции научного знания в обществе (Григорьев, 2018). Помимо этого, без должного внимания остается пока ключевая проблема взаимосвязи прикладной науки и практической деятельности по сохранению языков.

Постановка цели сама по себе часто является только дискурсивным актом в рамках официальной идеологии и элементом символической политики и не обязательно предполагает материальную политику (или де-факто политику) (Shohamy, 2006). Ввиду этого комплексный вопрос о сохранении многообразия надо конкретизировать в свете центральной для социальных и гуманитарных наук проблемы определения первичности роли социальной структуры или человеческой деятельности – агентности в формировании человеческого поведения. Поставлена ли цель сохранения языков в данной стране на практике, то есть имеются ли (выделены ли) необходимые для ее достижения средства и ресурсы? Для того чтобы ответить на такой вопрос, нужна экспертиза, которая сама выступает ресурсом достижения поставленных целей, поскольку ее задача в том, чтобы содействовать субъектам, принимающим решения, в нахождении способов решения практических задач и инструментов для их достижения.

Часто именно наука может предоставить такую экспертизу для новых целей. Несмотря на то, что в рамках политического цикла целеполагание и постановка целей осуществляются в первую очередь политиками, на стадии ее формирования в ходе установления политической повестки дня научно-экспертное сообщество также может привлекаться при взаимодействии властных и общественных структур в дискуссии вокруг обсуждения целей политики. Ученые обычно активно выступают именно за сохранение языков, а вслед за ними такую риторику поддерживает и политический мейнстрим. В отличие от политического процесса целеполагания с его конкуренцией интересов или ценностей, позиционирование экспертов как политических акторов позволяет увидеть какую-либо проблему через призму новых идей, изменяющих ее форму и содержание (Михайлова, 2018). Результатом приложения такой экспертизы может стать научное обоснование политики в виде документа, основанного на программной теории, демонстрирующей логическую связь вводных и результатов политики, оцениваемую через систему индикаторов эффективности, подкрепленной необходимыми для их достижения организационными, регуляционными, финансовыми и информационными инструментами политики, например языковой политики (Gazzola, 2023).

В России в текущих условиях возник запрос со стороны государственной власти на экспертизу в области языковой политики, сохранения и продвижения языков, в том числе русского языка, который проявляется, частности, в широком участии экспертов в публичных слушаниях по этим проблемам (см., например, Рекомендации по итогам круглого стола, 2023; Сохранение культурного наследия..., 2023). Соответственно, научно-экспертное сообщество было привлечено для решения научно-прикладных задач, в том числе задачи исследовать проблему сохранения и возрождения языков. Однако ни во властных структурах, ни в академической сфере не было очевидных центров компетенций, которые бы могли такую экспертизу предложить. Таким образом, шли параллельные процессы, когда проекты стратегического документа в этой сфере – Концепции государственной языковой политики – были разработаны как Министерством просвещения⁷, так и группой научных экспертов из четырех институтов Российской академии наук⁸.

В данной статье автор анализирует в контексте международного опыта взаимодействия науки и практики, какую экспертизу Российская академия может предложить и какое влияние прикладная наука оказывает на практику языковой политики и ревитализации, с целью продвинуться в понимании того, насколько в теории возможно добиваться сохранения языков, а также понять, какая агентность для этого необходима. В 2021–2023 гг. автор принимал участие в работе по согласованию упомянутых проектов

⁷ Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Министерстве просвещения Российской Федерации от 29.12.2022. Не публиковался.

⁸ Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Институтах РАН от 16 июля 2021 г. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap (дата обращения 12.03.2024).

Концепции, а также по подготовке текста проекта Программы Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков России⁹. Автор представит результаты анализа академического и официального дискурсов о сохранении языков в научной литературе и официальных документах.

По своей структуре статья организована в два подраздела. В подразделе о мировом опыте взаимодействия науки и практики автор сначала опишет роль междисциплинарных исследовательских программ в решении практической задачи сохранения языков, а затем проанализирует сходства и различия между исследованиями языковой политики и языковой ревитализации в теоретическом и прикладном аспектах, а также их соотношение. В подразделе о российском опыте автор представит контекст сохранения языков как политики «сверху» в постсоветский период как в центре, так и в республиках, и покажет, как на современном этапе неразличение этих исследовательских программ затрудняет прикладную работу по решению такой задачи, в том числе при подготовке проектов Концепции и Программы.

Мировая наука и практика сохранения языков

Практическая задача сохранения языков и роль междисциплинарных научных исследований. Сокращение языкового разнообразия и исчезновение языков – комплексный межпоколенческий социальный процесс, идущий в наши дни с разной интенсивностью по всему миру и являющийся одним из последствий модернизации. Страны различаются как по степени разнообразия населения, так и по реакциям на его изменение. В обществах с глубокими социальными расколами запрос на сохранение разнообразия обычно более высок, чем в обществах, характеризующихся высокой социальной сплоченностью. Сохранение языков можно понимать и как состояние сохранности языков, и как деятельность, обеспечивающую сохранение этого состояния. В соответствии со степенью разнообразия населения, а иногда вопреки ей, в государствах исторически складываются стратегии управления разнообразием, направленные на сохранение или уменьшение существующих в обществе социальных различий.

Управление разнообразием в языковой сфере также может соответствовать разным типам политики (Kloss, 1998). На современном историческом этапе большинство развитых стран в Европе подтверждает свою приверженность сохранению языкового разнообразия. На практике соответствующая политика часто оказывается неэффективной, потому что она в большинстве случаев амбивалентна. С одной стороны, государства по умолчанию заинтересованы в продвижении единого доминирующего языка, но, с другой стороны, вынуждены учитывать риск углубления социальных расколов и реагировать на запрос сообществ на сохранение языков, ценность которого была признана в международных стандартах по защите прав человека. Часто результирующая политика компромисса символически на уровне дискурсов поддерживает сосуществование многих языков, но на уровне практик продвигает доминирующий язык.

В таких условиях задача сохранять (и возрождать) языки нетривиальна, потому что успех таких усилий зависит от множества переменных, характеризующих как само общество, так и позицию государства в отношении разнообразия. Ведущую роль в поиске ответов на новые вызовы имеет наука, которой по силе найти способы, как решать подобную задачу. Однако современная наука еще только подходит к ответу на становящийся все более универсальным в последние десятилетия в условиях глобализации и одновременной регионализации и локализации общественный запрос на сохранение языков.

В то время как фундаментальная наука накапливает новые научные знания, прикладная наука применяет научные знания и методы на практике для решения проблем и задач в реальном мире. Прикладные научные исследования направлены на получение новых знаний с целью их практического использования для решения различных социальных и гуманитарных проблем. Результатом прикладных исследований являются не только новые теории и методы, но и прогнозы и рекомендации для практиков. Вдобавок ученые-исследователи сами могут принимать участие или привлекаться для участия в практике в качестве экспертов. Экспертная деятельность – это особый вид профессиональной деятельности, для осуществления которой необходимы специальные знания об объекте и предмете экспертизы и соответствующие профессиональные умения по их применению на практике (Нестеров, 2009).

Чтобы соответствовать вызовам комплексности социальных и политических процессов, научные исследования принимают междисциплинарный характер. На тенденции языкового сдвига, то есть перехода на другой язык, и угрозу исчезновения языков первыми обратили внимание в научных сообществах лингвистов и социологов. Со второй половины прошлого века и к сегодняшнему дню в западной академии появилась обширная литература по языкам, находящимся под угрозой исчезновения, изучающая в

⁹ Проект Программы по сохранению и возрождения языков России от 09.04.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/federal'naja_programma_soxranenija_jazykov_2022.pdf (дата обращения 12.03.2024); работа над проектом продолжается.

первую очередь социологические факторы «увядания» языков (подробнее см.: Замятин, 2023с). Социолингвисты и социологи языка изучают вопросы взаимосвязи языка и общества, двигаясь навстречу друг другу, соответственно, от языка и общества. В прикладном ключе они пишут об «исчезновении языка» («смерти языка»), «языковом сдвиге», «обратном языковом сдвиге», «сохранении языка», «распространении языка», «возрождении языка» или «языковой ревитализации». Другими словами, на основе изучения социолингвистических процессов стали выдвигаться цели изменения социальных реалий путем вмешательства в области («домены») использования языков как в публичной, так и в частной сфере (Fishman, 1991).

Из этих истоков, в зависимости от подхода «сверху» или «снизу», социолингвисты и лингвисты стали инициаторами становления двух междисциплинарных исследовательских программ, то есть направлений исследований. Первая получила название «языковая политика и планирование» (иногда именуемая просто языковой политикой, что влечет за собой путаницу в терминах – см. ниже). Вторая пошла по пути ревитализации языков, находящихся под угрозой исчезновения, проводящейся в рамках прикладной лингвистики, хотя междисциплинарная проблематика также стала затрагиваться изначально (Ferguson, 1971; Rehg & Campbell, 2018). Впрочем, лингвисты часто считают социолингвистику частью прикладной лингвистики, а последнюю, в свою очередь, разделом лингвистики. Однако если лингвисты ориентируются на языки, а лингвисты-прикладники ориентируются на изучающих языки, то социолингвисты ориентируются на идеологии и то социальное значение, которое изучающие атрибутируют этим языкам (De Korne, 2021). К тому же социолингвистика как теоретико-методологическая рамка пытается способствовать социальным изменениям и развитию в сообществах (Farfán & F. Ramallo, 2010). При этом под сообществами часто подразумеваются не «языковые сообщества» в терминах социолингвистики, а, скорее, «сообщества практик». Иными словами, социолингвистика в прикладных аспектах ближе к прагматике и лингвистической антропологии, чем собственно лингвистике.

Некоторые лингвисты и социолингвисты до сих пор ошибочно продолжают считать языковую политику и планирование частью прикладной лингвистики или социолингвистики. Причина в том, что часто представители определенного научного сообщества, например лингвисты, не видят те явления, которые находятся за «пространством доступности» их академической дисциплины, потому что последняя является институализированной формой этого самого «эпистемологического сообщества», которая отделяет его от других таких сообществ (Merton, 1973; Mieg & Evetts, 2018). Ярким примером отсутствия трансдисциплинарной перспективы является использование концепта «языковая политика», в котором лингвисты обращают внимание на прилагательное, которое денотирует специфику, и не видят родового понятия «политика». С учетом центральной значимости вопросов взаимосвязи языка и власти, со времени становления этого направления языковая политика стала изучаться политологами и юристами, поскольку именно политический выбор языков и их статус зачастую определяют их будущее. По сей день исследования языковой политики – это в первую очередь исследования ее как публичной политики в рамках политологии, которые вносят ключевой вклад в междисциплинарный проект «языковая политика и планирование» (Gazzola et al., 2023; Замятин, 2023а).

Таким образом, представляется очевидным, но остается недостаточно артикулированным в научном дискурсе тот факт, что политика «сверху» и практическая деятельность «снизу» оказались областями изучения разных междисциплинарных исследовательских программ, в которых преобладали разные специалисты – лингвисты и политологи – и которые фокусировались на разных исследовательских объектах – людях, социальных группах, обществах и государствах. При этом, по моей оценке, в тяготеющей к гуманитарным наукам программе, фокусирующейся на понимании людей и малых групп «снизу», оказалось недостаточно антропологов и этнологов, а в тяготеющей к социальным наукам программе, исследующей социум и политические структуры «сверху», не хватает качественных исследований и нормативной перспективы. Такая ситуация предопределила проблемы не только междисциплинарных исследований, но и практики языковой политики.

Теоретические и прикладные аспекты языковой политики и языковой ревитализации

Концепт «языковая политика» не является однозначным, поскольку в русском языке полисемичен. Прежде всего, различают политику в смысле *policy* – как план определенных принципов и действий для достижения поставленных целей и *politics* – как процессы во взаимоотношениях разных субъектов политики. Традиционно языковая политика в смысле *policy* рассматривалась как «политика сверху», со стороны государства, то есть государственная политика, направленная на смену или сохранение языка в границах страны или региона за счет регулирования использования языков в

официальной сфере (Gazzola, 2023). В последние десятилетия принято также говорить о множественности субъектов политики и «языковой политике снизу», со стороны самих сообществ и активистов, реализуемой через общественную деятельность вне официальной сферы (Johnson, 2023).

По этой причине «политика снизу» часто характеризуется как «языковой активизм» и в рамках публичной политики, скорее, тяготеет к пониманию политики в смысле *politics* (De Korne, 2021). Вместе с тем, на мой взгляд, нельзя провести четкое разграничение между *policy* и *politics* без учета контекста политической системы конкретной страны. Обычно развитость публичной сферы свидетельствует о множественности субъектов политики, что позволяет говорить не просто о государственной политике, но о «публичной политике». В отличие от стран с развитым гражданским обществом, в некоторых странах, как в современной России, представление о государстве как руководящем начале общества («nation») остается краеугольным камнем политической и управленческой культуры (Peters et al., 2022), что позволяет говорить об их «государствоцентричности».

Далее, концепт «языковая политика» скрывает разные виды деятельности. Различают языковую политику как практику и как науку. Языковую политику «сверху» изучают как государственную или публичную политику в первую очередь политологи, а осуществляют на практике политики, а также чиновники в части реализации политики как области государственного управления. В рамках «этнографического поворота» также говорится о важности изучения языковой политики «снизу», то есть с перспективы «людей в политике». Однако стоит помнить про их разные, официальные и общественные, роли. Решения политиков выражаются в *policy* и изучаются политологией и ее субдисциплиной публичной политикой, а решения частных лиц выражаются в практиках и изучаются социолингвистикой (Gazzola et al., 2023). В последнем случае обычные люди выступают в роли активистов и участвуют в языковом активизме. При этом если для активистов из обычных людей это практическая деятельность, то для лингвистов и других ученых это как практическая, так и научно-прикладная деятельность по практическому применению своих знаний. Для исследования такой деятельности активистов, в том числе активистов из числа исследователей, развивается исследовательская программа по «языковой ревитализации».

Ученые не только изучают политические, социальные и психологические реалии в рамках фундаментальной науки, выдвигая теории языковой политики и ревитализации, но и пытаются применить научные результаты на практике, то есть занимаются прикладной наукой. В мировой науке появились многочисленные исследования, по большей части практического и прикладного характера, включающие попытки обратить вспять процессы исчезновения языков (Hinton et al., 2018). Более того, ученые в ходе исследований могут не только помогать языковым активистам, то есть быть промежуточным звеном между наукой и практикой, но также сами заниматься языковым активизмом, то есть выступать в роли языковых активистов, видя свою миссию в языковой ревитализации. Возможны различные формы активизма ученых, в том числе поддержка и расширение существующих инициатив и сетей, (вос)произведение позитивного взгляда на язык и культуру и непосредственное участие или предложение активных мер и материальных продуктов (De Korne, 2021).

Итак, как и в случае с языковой политикой, языковая ревитализация также является не только практической, но и научной деятельностью в рамках прикладной лингвистики, хотя тут граница между исследованиями и практикой довольно размыта. Относительно произвольно ученые разделяют исследования на те, которые существенны для практики, куда включают языковую документацию, исследования двуязычия, социологию языкового выбора, лингвистическую антропологию и другие, и те, что связаны непосредственно с языковой ревитализацией, куда включают изучение языковых изменений в контексте ревитализации, многоязычное образование, исследования психологических факторов, исследования языковой политики и др. Эти перечни показывают, что исследования языковой политики и исследования языковой ревитализации связаны и пересекаются.

Языковая ревитализация (*language revitalization*) также может пониматься как состояние, так и деятельность, то есть процесс, направленный на придание новой «жизненной силы» языку, использование которого сокращается. Если использование вообще прекратилось, эту деятельность принято называть языковым возрождением (*language revival*). Согласно некоторым исследователям, целью ревитализации является увеличение относительной численности носителей языка и расширение числа доменов, в которых языки используются. Этим она отличается от сохранения языка (*language maintenance*), которое в таком контексте трактуется как сохранение численности носителей и числа языковых доменов. Относительно механизма, ревитализация почти всегда требует изменения отношения (со)общества к языку, в то время как сохранение направлено на защиту от навязывания сообществу внешних взглядов (Grenoble & Whaley, 2005).

В стремлении перенести идеи языковой ревитализации на российскую почву исследователи часто забывают, что обязательным условием успешности ревитализации является благоприятная политическая среда и соответствующая языковая политика. Как показывают сравнительные исследования попыток языкового возрождения в отношении «малых» и «средних» языков в разных странах, например иврита, северного и инари саамского, уэльского и корнуэльского, каталонского и баскского языков, гавайского языка или языка маори, усилия активистов увенчиваются успехом довольно редко и только в случае, если обеспечены соответствующим языковым законодательством и работающим механизмом языковых прав (Arzoz, 2015; Gorenburg, 2005; Pasanen, 2010; Замятин и др., 2012).

Российская наука и практика сохранения языков

Языковая политика по сохранению и развитию языков в постсоветской России. На примере политики «языкового возрождения» в республиках постсоветской России автор продемонстрирует, какие проблемы обозначенные выше отсутствие адекватной междисциплинарной основы исследований создает для практики политики. В позднесоветском и потом российском контексте с конца 1980-х гг. концепт «языковое возрождение» не предполагал возрождения «с нуля», а по аналогии с концептом «национальное возрождение» и наряду с концептами «сохранение и развитие языков» использовался для описания политики «сверху» (Zamyatin, 2014b, 2021). По этой причине пришедший позднее концепт «языковая ревитализация» часто контрастируется с ними и подразумевает деятельность языковых активистов, языковой активизм, идущий «снизу». Движения по «языковому возрождению» являлись частью более широких движений «национального возрождения», выдвигавших не только культурно-языковые, но и политические требования. После спада этнической мобилизации и свертывания этнополитических движений их активисты переключились на языковые движения как проявления культурного активизма (Gorenburg, 2003), которые продолжают существовать до сих пор.

С советских времен в политических элитах республик РСФСР национальный сегмент – «национальные кадры» номенклатуры – пополнялся во многом за счет культурных элит, гуманитарной интеллигенции, в то время как этнически русский сегмент элит часто пополнялся за счет инженерно-технических работников. Национальная интеллигенция – ученые-филологи, писатели, журналисты, преподаватели, работники театра и других творческих профессий – работали на национальных языках и были заинтересованы в их сохранении, а поэтому с наступлением эпохи гласности стали выражать озабоченность по поводу языкового сдвига. Когда в начале 1990-х гг. это стало возможным, «национальные кадры» номенклатуры поддержали соответствующие требования национальной интеллигенции и добились принятия сохранения языков в качестве цели государственной политики. При этом ученые-филологи из республиканских институтов языка и литературы как представители научного сообщества часто писали содержательное наполнение при подготовке проектов законов и разработке государственных программ. Общим для номенклатуры и интеллигенции была патерналистская парадигма советской системы управления, в которой решение проблем всегда шло «сверху» от государства (Zamyatin, 2021).

Однако в период разработки в 1990-е годы в республиках законов о языках и государственных программ сохранения и развития языков еще не были развиты ни исследования языковой политики, ни исследования языковой ревитализации, а готовившие содержание этих документов филологи имели слабое представление о том, как добиваться заявляемых целей в новых условиях. Для анекдотической иллюстрации скажем о своем опыте. Будучи студентом юридического факультета университета в конце 1990-х, автор работал юристом в Министерстве по делам национальностей и писал очередную итерацию проекта Закона о языках Удмуртской Республики, потому что другие члены команды были в основном филологами по образованию, и не было юристов и других необходимых специалистов. Основываясь на этом опыте, автор показал в своем исследовании, что, чтобы быть эффективными, стратегия и план действий по решению задачи сохранения языков должны сочетать соответствующую политику по сохранению разнообразия «сверху» и практическую деятельность самих сообществ «снизу», потому что ни то, ни другое по отдельности не обеспечивает результата (Zamyatin, 2014a).

В советском духе политика «сохранения и развития» государственных языков республик и некоторых других языков проводилась «сверху» и предложила в качестве основного механизма распространение языков в официальной сфере через их огосударствление. Оценка реализации такой политики показывает, что она не достигла поставленных целей (policy outcomes and impact) не только из-за структурных факторов, таких как недостаточность вводных и объемов самой политики (policy inputs and outputs), обусловленных недостаточностью политической поддержки, но и потому, что во многом не соответствовала запросу самих людей и сообществ (Zamyatin, 2018). По мере наработки

экспертизы фокус республиканских программ от цикла к циклу менялся, и в более поздних программах стали включаться, например, отдельные подразделы по планированию престижа, и даже собственно техники языковой ревитализации «снизу», например «языкового гнезда» (Zamyatin, 2014b). Однако был упущен исторический момент, чтобы скорректировать программы до того, как несколько лет назад окончательно не было прикрыто «окно возможностей» для проведения самостоятельной языковой политики республик. Таким образом, первичность в течение всего постсоветского периода имели структурные факторы, ограничивающие воздействие политики «сверху» на социальные процессы и не позволяющие существенно изменить социальную динамику.

В Москве дела обстояли несколько лучше. В апреле 1990 г. был принят первый закон «О языках народов СССР», который концептуально лег в основу соответствующего закона «О языках народов РСФСР» 1991 г. и языкового законодательства в России, а также большинства постсоветских стран. С 1996 г. и до недавнего времени регулярно принималась и реализовывалась Федеральная целевая программа «Русский язык»¹⁰. В то же время, несмотря на задекларированное одновременно сохранение и развитие языков народов России, в этой части политика на федеральном уровне не получила систематического характера. Так, не было утверждено предусмотренных российским законом федеральных программ сохранения, изучения и развития языков¹¹.

В условиях отсутствия общегосударственной программы на сегодня отдельные аспекты языкового планирования русского и других языков народов России затрагиваются в Ведомственной программе Министерства просвещения 2021 г.¹², Плане мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики 2021 г.¹³, а также согласно Плану деятельности ФАДН, в том числе с целью «сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества» 2019 г.¹⁴ В таких условиях основная деятельность по сохранению и развитию языков с переменным успехом идет в рамках соответствующих программ республик, а значит, в отношении ограниченного числа языков (Zamyatin, 2014a).

В 2019 г. президентом Российской Федерации были даны поручения разработать среди прочих документов по языковой политике проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”» и государственную программу РФ «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», подготовить предложения по разработке Концепции государственной языковой политики РФ, а также обеспечить поддержку разработки на базе федерального Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН государственной информационной системы «Национальный словарный фонд» и Программы ФГБУН «Институт языкознания РАН» по сохранению и возрождению языков коренных народов России¹⁵.

Таким образом, сегодня Россия продолжает выражать в Конституции и других официальных документах приверженность цели сохранения и развития языков, но такая символическая политика официальных деклараций не сопровождается адекватной материальной политикой реальных действий, что дает основание оценивать ее как очередное проявление «системного лицемерия» (Malakhov & Osipov, 2023). В то же время указание на это несоответствие символической и материальной политики вкупе с отсылкой к конституционной поправке может создавать дискурсивное поле, чтобы пытаться продвинуть проблему сохранения языков в политическую повестку дня.

¹⁰ Последняя из серии: Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 20.05.2015 № 481 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/18169/> (дата обращения 12.03.2024).

¹¹ О языках народов Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1, ст. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения 12.03.2024).

¹² Об утверждении ведомственной целевой программы "Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации": распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 04.06.2021 № Р-120 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603893496?marker=6500IL/> (дата обращения 12.03.2024).

¹³ О плане мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.12.2021 № 3718-р (ред. от 14.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405273/c134c407cde9b8a3d8ed7529f64c2dc4b3518deb/ (дата обращения 12.03.2024).

¹⁴ План деятельности Федерального агентства по делам национальностей на 2019–2024 годы, утв. Руководителем Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринным 01.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328372/ (дата обращения 12.03.2024).

¹⁵ Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, которое прошло 5 ноября 2019 года, от 1 марта 2020 г. Пр-355 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918> (дата обращения 12.03.2024).

Современная языковая политика России: Разработка проектов Концепции языковой политики и Программы по сохранению и возрождению языков России

Из разрабатываемых документов был принят Федеральный закон 2023 г.¹⁶, а государственная программа РФ «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» была внесена в перечень государственных программ РФ с периодом реализации на 2022–2031 гг.¹⁷, хотя реквизитов и самого текста программы автор не нашел. Анализ текста Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом 2015 г.¹⁸ показывает, что под «поддержкой русского языка» имеется в виду планирование его статуса, планирование в сфере образования и планирование престижа («популяризация»), а его «продвижение» включено, скорее, как риторическая фигура, чтобы показать движение вперед по аналогии с «развитием» в формуле «сохранение и развитие» в отношении других языков народов России. В Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН ведется работа по созданию Национального словарного фонда, о котором внесено дополнение в Федеральный закон¹⁹, то есть работа по планированию корпуса.

Институт языкознания РАН по-прежнему разрабатывает проект Программы по сохранению и возрождению языков России (см. Замятин 2024). Помимо этого, по предложению президентского Совета по русскому языку в соответствии с п. 4(а) перечня поручений президента РФ эксперты от Института языкознания РАН как головного научного учреждения в отношении языков России подготовили совместно с тремя другими институтами свой проект Концепции языковой политики Институты РАН, а также участвовали в доработке проекта Концепции государственной языковой политики, подготовленного в Минпросвещения и недавно утвержденного Правительством РФ²⁰. Если в проекте Институты РАН упор делался на сохранении языков народов России, то в утвержденном после доработки проекте Минпросвещения во главу угла ставится в первую очередь продвижение русского языка.

Автор написал в отдельной статье о своем опыте участия в согласовании академического и бюрократического дискурсов в ходе разработки Концепции языковой политики (Замятин, 2023b). Этот опыт показал, что, несмотря на технократический подход, сейчас научных экспертов не рассматривают как равных партнеров по диалогу в формировании политики. Отчасти причина этому структурная – она в специфике российской традиции концептуализации политики в первую очередь как государственной, а не публичной политики, а значит, разрабатываемой «при участии институтов гражданского общества», но именно государственными структурами. При том, что общественный запрос на сохранение языков высок, властные структуры направили научно-экспертному сообществу запрос на научно-концептуальное обеспечение языковой политики, но, скорее, используют участие ученых только для формальной легитимации политики.

Отчасти причина в состоянии самой науки: автор уже писал, что в России языковую политику как междисциплинарный академический проект пока по-прежнему ошибочно относят к социолингвистике. Направление исследования языковой политики в рамках политологии, в том числе как публичной политики, пока не оформилось, потому что в то время, когда в западной науке в прошлом веке был написан основной корпус научных текстов о политике «сверху», в СССР не было политологии (Замятин, 2023a). Вследствие такого вакуума в России нишу заняли социолингвисты, а также лингвисты с интересом к направлению исследований языковой ревитализации, также пока не оформившемуся. Дисбаланс в фокусе произошел, в частности, потому, что в западной науке с ее этнографическим и дискурсивным поворотом в последние десятилетия интерес сместился к исследованиям языкового активизма «снизу». Однако новые исследования в западной науке не отменяют, а только дополняют предыдущие, и сейчас про-

¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации": Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028/> (дата обращения 12.03.2024).

¹⁷ Государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», внесена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.06.2021 № 1689-р в перечень государственных программ Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации 11 ноября 2010 г. № 1950-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106240008?index=1> (дата обращения 12.03.2024).

¹⁸ Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом: утв. Президентом РФ 3.11.2015 № Пр-2283 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145978/> (дата обращения 12.03.2024).

¹⁹ О внесении изменения в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации": Федеральный закон от 22.04.2024 № 93-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220037?index=2> (дата обращения 24.04.2024).

²⁰ Концепция государственной языковой политики Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (дата обращения 20.06.2024).

исходит синтез с возвратом к первичности исследований языковой политики как публичной политики (Gazzola et al., 2023).

В России сегодня языковая политика по-прежнему рассматривается как часть национальной политики (Каневский, 2015) и в силу государствоцентричности общественной жизни проводится «сверху». Но из-за недостаточной развитости исследований языковой политики на уровне прикладных исследований российской академии сейчас сложно предложить властным структурам квалифицированную экспертизу, потому что пока не возникло соответствующего научного сообщества. Так, проект Концепции языковой политики Институты РАН по содержанию более соответствовал задаче сохранения языков, но по форме был написан в академическом жанре. В свою очередь, проект Концепции Минпросвещения был написан в официально-деловом стиле, но не соответствовал этой задаче по содержанию (Замятин, 2023b). Вместе с тем требование соответствия проектов форме документов является способом профессиональной монополизации через владение канцеляритом не только как формальными навыками, но и как содержательными навыками построения властного дискурса – тот властвует, кто владеет дискурсом. Не случайно большинство парламентариев не лингвисты, а профессиональные политики и юристы. При этом владение канцеляритом не означает автоматически наличия экспертизы по содержанию вопроса – языковой политике.

В сложившейся сегодня в России суперпрезидентской системе власти параллельно сосуществуют институционально-нормативная и президентская вертикали принятия политических решений. В решении проблемы их согласования большое значение приобрели стратегические документы типа стратегий, концепций, доктрин (см. Замятин 2023a). В таких условиях при наличии альтернативных проектов документов, разработанных в параллельных вертикалях, более вероятно, что за основу будет принят проект, инициированный в президентской вертикали. Тот факт, что в рассматриваемом случае был принят проект Концепции, разработанный в правительстве, свидетельствует о недостаточной проработке, в том числе на соответствие формальным требованиям, представленного Институтами РАН проекта.

Прикладное значение исследований языковой политики заключается в том, что они необходимы для разработки не только стратегических документов, как Концепции языковой политики, но и практических, как Программы по сохранению и возрождению языков России. В стране с государствоцентричной политической культурой задача сохранения языков может решаться только в рамках государственной программы, а значит, на основе исследований языковой политики. Однако сейчас Программа разрабатывается, скорее, в качестве научной программы в рамках исследований языковой ревитализации, которые также не получили в России достаточного развития (подробнее см.: Замятин, 2024). Таким образом, практика языковой политики пока не обеспечена качественной научной экспертизой как в концептуальном, так и в прикладном аспекте.

Заключение

Итак, почему получается или не получается сохранять языковое многообразие? Мирская наука за последние десятилетия продвинулась вперед в понимании возможностей и последствий воздействия на языковые процессы. В ситуации, когда политика «сверху» и практическая деятельность «снизу» оказались областями изучения разных междисциплинарных исследовательских программ, прорывные исследования интегрируют в междисциплинарных проектах теоретические и прикладные перспективы разных дисциплин и показывают, что значимого социального эффекта добиваются те проекты сохранения языков, которые обеспечивают качественное изменение практик, доводящее до изменения самой социальной структуры. Иногда удается также возродить языки, но удается это крайне редко.

Компаративисты, сравнивая российские и зарубежные примеры, показывают, что успешные попытки сохранения и особенно возрождения языков всегда бывают обеспечены соответствующим языковым законодательством и работающим механизмом языковых прав. Без создания благоприятной общественно-политической микро- и макросреды существующая социальная структура продолжает предопределять социальные процессы, приводящие к языковому сдвигу на доминантный язык, и существенно ограничивает агентность практиков как в ее проявлении в качестве государственной политики «сверху», так и в качестве языкового активизма «снизу». Иными словами, агентность как способность людей действовать и добиваться социального эффекта может проявляться как через языковую политику «сверху», так и через активизм «снизу». Если политика «сверху» активно не поддерживает, например, сохранение языков, то она тем самым выступает элементом социальной структуры, который значительно ограничивает эффект усилий активистов «снизу».

В сложносоставном государстве языковая политика в центре может ограничивать языковую политику на других властных уровнях. В России с начала 1990-х «языковое возрождение» реализовывалось

как государственная политика сохранения и развития «сверху» прежде всего титульных языков республик. Такая политика не только была структурно ограничена по форме характером отношений центра и республик, а по содержанию – официальной сферой использования языков и их изучения, но и оказалась малоэффективной без мер популяризации многоязычия и встречного активистского движения «снизу». На сегодня языковой активизм во многих регионах оживился, но агентность активистов минимальна, потому что их сфера деятельности структурно ограничена институциональными форматами поддержки в рамках государственной языковой политики, которая во многом является только символической политикой, потому что стратегия национальной политики на общегосударственном уровне в последние годы все больше сдвигается в сторону унификации.

В настоящее время, несмотря на риторику сохранения этнокультурного и языкового многообразия, продолжается демонтаж институций, поддерживающих их, особенно в образовании, при том, что они являются стержневым структурным фактором воспроизводства знания языков. Сегодня уже нельзя говорить о самостоятельной языковой политике республик, хотя по административной инерции работа по сохранению языков продолжает вестись через действующие программы сохранения и развития языков республик. При этом даже не все республики утвердили соответствующие программы, и поддерживаются только некоторые языки. Не все утвержденные программы республик обеспечены отдельным финансированием, а если и обеспечены, то все равно малоэффективны, в том числе потому что не обеспечены ресурсом качественной научной экспертизы. Ввиду этого даже для охваченных сохранением языков институциональная сфера использования языков также сужается (автор с Т. Давидюк пишет о программах отдельную статью).

Опыт реализации языковой политики республик в постсоветский период показывает, что политики «сверху» недостаточно в связи с ее ограничением официальной сферой, и для достижения результатов ее нужно совмещать с практической работой активистов из самих сообществ. Вместе с тем низовая работа не может заменить политику «сверху»: в российских условиях задача сохранения и развития языков должна решаться, как и в случае с продвижением русского языка, в первую очередь на уровне государственной политики как страны в целом, так и республик, а не только на уровне языкового активизма общественников и ученых. Более того, совместные усилия будут эффективны, только если будут основываться на научных исследованиях языковой политики и языковой ревитализации.

На сегодня российское государство гарантирует сохранение языкового многообразия, и со стороны власти есть запрос на научно-концептуальное обоснование языковой политики. Российская академия привлекается к участию в решении задачи сохранения языков, но в российской науке на теоретическом уровне пока не создана адекватная междисциплинарная основа в исследованиях языка, общества и власти. На прикладном уровне неразвитость направлений исследований языковой политики и языковой ревитализации выражается в отсутствии качественной научной экспертизы в области политики сохранения и развития языков России и их ревитализации, при том, что есть экспертиза в продвижении русского языка.

Список литературы / References

- Григорьев, В. Е. (2018) *Социология науки: учебник*. Москва: Проспект. [Grigoriev V.E. (2018) *Sociology of Science: Textbook*. [Sotsiologiya nauki: uchebnik]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023а) 'Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке', *Социолингвистика*, 3 (15), сс. 29–52. [Zamyatin, K.Yu. (2023a) 'Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science' [Issledovaniya yazykovoy politiki v Rossii i mire], *Sociolinguistics*, 3 (15), pp. 29–52. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023b) 'Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов', *Социолингвистика*, 4 (16), сс. 119–143. [Zamyatin, K.Yu. (2023b) 'Development of the Concept of State Language Policy: The Problem of Adjusting the Bureaucratic and Academic Approaches' [Razrabotka Kontseptsii gosudarstvennoy yazykovoy politiki: Problemy soglasovaniya byurokraticheskogo i akademicheskogo podkhodov], *Sociolinguistics*, 4 (16), pp. 119–143. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023с) 'К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: Размышления по поводу монографии Н.М. Мухарямова и О. Б. Януш «Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики» (Казань, 2022)', *Вестник Пермского университета*.

- Политология*, 17 (3), сс. 75–84. [Zamyatin, K.Yu. (2023c) 'For Statement of the Problem of Studying Language Policy as a Public Policy: Reflections on the Monograph of N. M. Mukharyamov and O. B. Yanush "Language Device of The Russian Society: Factors of Political Dynamics" (Kazan. 2022)' [K postanovke problemy izucheniya yazykovoy politiki kak publichnoy politiki: Razmyshleniya po povodu monografii N.M. Mukharyamova i O.B. Yanush «Yazykovoie ustroystvo rossiyskogo obshchestva: Faktory politicheskoy dinamiki» (Kazan. 2022)], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17 (3), pp. 75–84. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2024) 'Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? Проблемы практики языковой политики и ревитализации при разработке Программы сохранения языков', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18, в печати. [Zamyatin, K.Yu. (2024) 'Why can't we preserve linguistic diversity? Problems of the practice of language policy and revitalization in drafting a Program on the preservation of languages' [Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat' yazykovoie mnogoobrazie? Problemy praktiki yazykovoy politiki i revitalizatsii pri razrabotke Programmy sokhraneniya yazykov], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18, forthcoming. (In Russ.)].
- Замятин, К., Пасанен, А., Саарикиви, Я. (2012) *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки: Вммалан Кирьяпайно Ою. [Zamyatin, K., Pasanen, A. & Saarikivi, J. (2012) *Whether and How the Languages of the Peoples of Russia Can Be Maintained* [Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii]. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy. (In Russ.)].
- Каневский, А. (2015) 'Языковая политика как вид национальной политики государства', *Философия права*, 4 (71), сс. 37–51. [Kanevsky, A. (2015) 'Language policy as a type of national state policy' [Yazykovaya politika kak vid natsional'noy politiki gosudarstva], *Philosophy of Law*, 4 (71), pp. 37–51. (In Russ.)].
- Михайлова, О. В. (2018) 'Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления', *Вестник Томского государственного университета*, 46, сс. 167–175. [Mikhailova, O. V. (2018) 'Epistemic communities in the process of promoting ideas on the public administration agenda' [Epistemicheskie soobshchestva v protsesse prodvizheniya idey v povestku dnya gosudarstvennogo upravleniya], *Bulletin of Tomsk State University*, 46, pp. 167–175. (In Russ.)].
- Нестеров, А. В. (2009) *Основы экспертной деятельности*. Москва: ГУ-ВШЭ. [Nesterov, A. V. (2009) *Fundamentals of expert activity* [Osnovy ekspertnoy deyatel'nosti]. Moscow: State University-Higher School of Economics. (In Russ.)].
- Рекомендации по итогам «круглого стола» на тему «О совершенствовании государственной политики в области защиты, поддержки и продвижения русского языка» (2023), *Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации*, 6 июня. Доступно: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/150043/> (дата обращения 12 марта 2024 г.). [Recommendations based on the results of the round table on the topic "On improving state policy in the field of protection, support and promotion of the Russian language," (2023) [Rekomendatsii po itogam «kruglogo stola» na temu «O sovershenstvovaniyu gosudarstvennoy politiki v oblasti zashchity, podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka»], *Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, June 6. Available at: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/150043/> (Accessed: 12 March 2024)].
- Сохранение культурного наследия и языкового многообразия народов Российской Федерации. Материалы «круглого стола» (2023). Москва: Издание Государственной Думы (электронное). URL: <http://duma.gov.ru/media/files/eWftFL6AseJfRseNFuujFSCRyIGwEHfS.pdf> (дата обращения 12 марта 2024 г.). [Preservation of the cultural heritage and linguistic diversity of the peoples of the Russian Federation. Materials from the «round table» (2023) [Sokhranenie kul'turnogo naslediya i yazykovogo mnogoobraziya narodov Rossiyskoy Federatsii. Materialy «kruglogo stola»]. Moscow: Publication of the State Duma (electronic). Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/eWftFL6AseJfRseNFuujFSCRyIGwEHfS.pdf> (Accessed: 12 March 2024)].

- Arzoz, X. (2015) 'The Impact of Language Policy on Language Revitalization' in H. F. Marten, M. Rießler, J. Saarikivi and R. Toivanen (eds.) *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union*. London: Springer, pp. 315–334.
- De Korne, H. (2021) *Language Activism: Imaginaries and Strategies of Minority Language Equality*. Oslo: De Gruyter Mouton.
- Farfán, J., Ramallo, F. (eds.) (2010) *New Perspectives on Endangered Languages: Bridging Gaps Between Sociolinguistics, Documentation and Language Revitalization*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ferguson, C. (1971) 'Applied Linguistics', in: *Language Structure and Language Use: Essays by Charles A. Ferguson*. Selected and introduced by A. Dil. Stanford: Stanford University Press, pp. 135–147.
- Fishman, J. (1991) *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Gazzola, M. 'Language Policy as Public Policy'. In Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 41–72.
- Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L. and Heugh, K. (eds.) (2023) *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. Abingdon: Routledge.
- Gorenburg, D. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gorenburg, D. (2005) 'Tatar Language Policies in Comparative Perspective: Why Some Revivals Fail and Some Succeed', *Ab Imperio*, 1, pp. 257–284.
- Grenoble, L., Whaley, L. (2005) *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnson, D. (2023) 'Critical Empirical Approaches in Language Policy and Planning'. In Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 15–40.
- Hinton, L., Huss, L. and Roche, G. (eds.) (2018) *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. New York: Routledge.
- Kloss, H. (1998) *The American Bilingual Tradition*. Washington, DC, and McHenry, IL: Center for Applied Linguistics and Delta Systems. (Original work published 1977).
- Malakhov, V. and Osipov, A. (2023) 'Managing Ethnic Diversity in Post-Soviet Context: The Cases of Russia, Ukraine, and Kazakhstan', *Problems of Post-Communism*, DOI: 10.1080/10758216.2023.2245545.
- Merton, R. (1973) 'The Normative Structure of Science'. In N. W. Storer (ed.). *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 267–278. (Original work published 1942)
- Mieg, H. A. and Evetts, J. (2018) 'Professionalism, Science, and Expert Roles: A Social Perspective'. In K. A. Ericsson, R. R. Hoffman, A. Kozbelt and A. M. Williams (eds.). *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 127–148.
- Pasanen, A. (2010) 'Will Language Nests Change the Direction of Language Shifts? On the Language Nests of Inari Saamis and Karelians'. In Sulkala, H. and Mantila, H. (eds.) *Planning A New Standard Language: Finnic Minority Languages Meet the New Millennium*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, pp. 95–118.
- Peters, B. G., Pierre, J., Sørensen, E., Torfing, J. (2022) *A Research Agenda for Governance*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Rehg, K. and Campbell, L. (eds.) (2018) *The Oxford Handbook of Endangered Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Shohamy, E. (2006) *Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches*. London and New York: Routledge.
- Zamyatin, K. (2014a) *An Official Status for Minority Languages? A Study of State Languages in Russia's Finno-Ugric Republics*. Helsinki: Finno-Ugric Society.
- Zamyatin, K. (2014b) 'Maintaining and Developing the Languages': Participation in Decision-Making and Support for Language Revival in Russia's Finno-Ugric Republics', *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 38, pp. 193–253.
- Zamyatin, K. (2018) 'Evaluating Language Revival Policies of Russia's Finno-Ugric Republics: Policy Impact and Its Limits', *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 64 (1-3), pp. 255–333.
- Zamyatin, K. (2021) 'The Formation of Language Policies in Russia's Republics in the Early 1990s: Ideologies, Interests, Institutions', *Sociolinguistics*, 2 (6), pp. 61–127.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

**WHY CAN'T WE PRESERVE LINGUISTIC DIVERSITY? THE MAINTENANCE OF
THE LANGUAGES OF RUSSIA, LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE REVITALIZATION**

K. Zamyatin

Konstantin Zamyatin, senior research fellow,
HSE University, Moscow, Russia,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Abstract. In recent years, “preservation of linguistic diversity” has been included as one of the goals of the state nationality policy. Efforts to preserve languages are undertaken both at the level of state policy “from above” and the practical activities of language activists “from below”. However, despite the official recognition of the problem of language loss and the rise of language activism, it has not yet been possible to achieve any noticeable results in solving the practical problem of preserving languages. In this article, I analyze the reasons for the ineffectiveness of these efforts and argue that obstacles exist not only at the level of practical activity, but also in applied research. Language policy practitioners implement language policy “from above,” but so far their work remains without solid scientific and conceptual grounds. In the world science at the moment there are two relevant research programs – research on language policy and research on language revitalization. In Russian science, at the theoretical level in the study of language, society and power an adequate interdisciplinary basis has not yet appeared, therefore, at the applied level, there is no high-quality scientific expertise in the field of policy for the preservation and development of Russian languages and their revitalization.

Keywords: language maintenance; linguistic diversity; language revitalization; language activism; language policy; applied science; practical activity.